

2207

ВЕЧЕРНИЙ НОВОСИБИРСК
г. НОВОСИБИРСК

23 мая 1980 г., № 118.

ВЕЧНЫЕ ГЛУБИНЫ

К 75-летию со дня рождения М. А. ШОЛОХОВА

Чингиз АЙМАТОВ: Все, кому дороги непреходящие духовные ценности человечества, в эти дни имеют возможность высказать высокую оценку творчества Михаила Александровича Шолохова. Эта оценка проверена временем. Годы идут, возраст писателя прибавляется, но его произведения прежде всего — «Тихий Дон», продолжают оставаться жгуче современными, ибо в них с поразительной достоверностью и художественной силой запечатлены события поистине эпохальные, наиболее героические и трагические страницы истории нашей Родины.

отмечал его связь с «великой реалистической традицией прошлого века, в которой воплотилась сущность русского искусства».

Эрнест Хемингуэй, не считая жалующий современную литературу, признавался, что ему «нравится Шолохов».

А вот удивительное свидетельство Джэка Линдсея: «Первым писателем, который оказал сильное влияние на английскую культурную жизнь, был Шолохов, чьи романы, по общему признанию, обладают такой широтой и таким богатством красок и образов, что можно говорить о близости его романов к классическим произведениям XIX века». Даже многовековой — коренной — британский консерватизм не устоял перед художественной мощью русского писателя!

ЕСЛИ попытаться сказать о главном, что отличает творения певца народной жизни, то следует, пожалуй, подчеркнуть две особенности всей прозы Шолохова. Он никогда не пугался и не обходил свойственных жизни противоречий; трагедию он не «смягчал» до драмы, драму не пытался обратить в занимательное чтение. И вторая особенность шолоховской прозы — наследование национальной эпической традиции. Это не следует понимать буквально: что он, так сказать, след в след шел за мастерами прошлого. Нет, в данном случае все дело в органичном сродстве писателя с современностью, о чем в свое время очень точно сказал К. Федин: «Ценнейшее из опыта реалистического наследия художник берет свободно, когда оно не противоречит новой жизни, а служит почвой для ее роста. Такой опыт наших классиков не чужероден реализму современности...».

Кровная связь Шолохова с народом, причастность его каждому биению сердца к народной доле — очевидна. Простой казак по рождению, он всегда был в гуще народной жизни.

Юстинас МАРЦИНКЯВИЧЮС: Творчество Михаила Шолохова — это глубоководный поток людей и времени. Читатели и писатели всех поколений черпали и продолжают черпать из этого живительного источника жизненную правду, мудрость народную. Шолохов подарил миру три шедевра, показавших мощь социалистической революции, высокий социальный смысл коллективизации, героизм советских людей. Три вершины в истории нашего народа. Душа, которая подняла читателя на эти вершины, талант, который раскрыл величие этих вершин, руна, которая описала их, — это и есть наш Шолохов.

Владимир ЦЫБИН: Шолохов — не только большой писатель, он и настоящий историк. Он сумел увидеть и объяснить глубинные процессы, происходящие в обществе, в судьбах каждого человека, в судьбах государства и семьи. Его любовь к человеку, пропихивающая все его творчество, тоже видоизменяется вместе со временем, но остается органичной во всех его произведениях.

Воевал на гражданской, грузинской и чернорабочим участвовал в закладке фундамента социалистического строительства. Грянула Великая Отечественная — и военным корреспондентом «Правды» Шолохов отправился в страшное пекло войны. Его «Наука ненависти» воодушевляла наших бойцов на ратный подвиг. А после «Победы, какой не знала история» — колоссальная общественная деятельность — на благо мира, на благо социалистического Отечества.

Вся его жизнь, все его творчество — подвиг служения народу.

«Я принадлежу к числу тех писателей, которые видят для себя высшую честь и высшую свободу в ничем не стесняемой возможности служить своим пером трудовому народу», — так сказал он в своей нобелевской речи. В этих словах звучит и извечно присущая русской литературе совесть, и высокая партийность советского художника. Художника, наделенного великим даром уловить движение народной жизни, состояние мира, отраженное в зеркале народной души, причастной и к великим историческим событиям, и к «мелким» как будто, будничным житейским заботам. Вот почему такой очеловеченной и одухотворенной предстает в его произведениях наша эпоха.

Николай Рыленков посвятил автору «Тихого Дона» следующие — блистательные, по-моему, — строки:

Есть вечные глубины
в «Тихом Доне»,
То, что народ наш
совестью зовет.

Гремит гроза
иль ясен небосвод,
Мы вновь и вновь,
забыв дорогам счет,
Как в первый раз,
придем к нему, и вот —
Все мелкое ушло.
Душа бездонной.

Святая жажда дела
жжет ладони,
Святая жажда правды
сердце жжет.

Будем же благодарны писателю земли русской Михаилу Александровичу Шолохову за эту святую жажду.

Федор ИМЯНИТОВ.

Петр ПРОСКУРИН: Главный герой Шолохова — народ, и его изображение является, на мой взгляд, наивысшим достижением, новаторством Шолохова в литературе — советской и мировой. В свою очередь, именно народ, революция выдвинули из своих глубин то явление общечеловеческого масштаба, к каким является советский писатель Михаил Шолохов. Его приход в литературу обусловлен потребностью нашего народа в эпическом осмыслении его жизни и судьбы. Как же огромный талант писателя, который сумел эту стихию, эту силу народа достойно, с удивительной глубиной и емкостью показать!

НАПИСАННОЕ о Шолохове во много раз превышает то, что вышло из-под пера автора «Тихого Дона». Мировое шолоховедение — это тысячи статей и рецензий на всех, пожалуй, языках мира, это сотни объемистых монографий, это воспоминания о встречах и беседах с «великим станицником» из Вешенской, это споры вокруг героев его книг и с самими героями...

Из песни слова не выкинешь, говорят в народе. Из судьбы писателя тоже не выкинешь, того немаловажного и странного как будто обстоятельство, что шолоховские страницы не всегда встречали восторженный прием. Если сегодня полистать журналы и газеты конца 20-х —

начала 30-х годов, можно наглядно убедиться в том, что признание пришло к писателю далеко не сразу.

Один пример. Это сейчас смеялись на тему повествования во второй книге «Поднятой целины» о том, как художественная необходимость конфликты, связанные с трудностями становления нового уклада жизни, к исходу первой книги разрешаются — и во второй автор сосредотачивает свое внимание на внутренних, душевных коллизиях, на духовном мире перерождающегося крестьянина в переустраиваемом им мире. А тогда, сразу после выхода в свет отдельных глав второй книги, критика потребовала автора снижением накала «жара классовых битв» отступить от динамики. Так, один из первых рецензентов с осуждением отмечал, что герой «не хваляет... активной целеустремленности».

И даже теперь, когда книги Шолохова многомиллионными тиражами распространились по всем континентам планеты, нападки на него не прекратились. Достаточно напомнить, что на Западе нашлись «специалисты», утверждающие, что «Тихий Дон» написал... не Шолохов!

Олесь ГОНЧАР: Трудно переоценить значение творчества Шолохова в духовной жизни современников. Произведения мастера из Вешенской перед всем миром утвердили высокие достоинства литературы. Страны Советов, всеобъемлющую правду коммунизма. Шолоховский опыт ощущен во многих крупных произведениях братских литератур нашей страны.

лов! Это провокационное «открытие», конечно, ничего общего ни с литературой, ни с творческими дискуссиями не имеет — чистой воды клевета, настоящая на лютую злобу к нашей стране, к нашему искусству.

И все же: в чем причина непрекращающихся споров вокруг Шолохова?

Прежде всего, думается, в том, что творчество всякого великого художника — уже в силу своей неоднозначности — всегда было и будет загадкой. Кто-то из критиков придумал неплохую иллюстрацию к этой мысли. Если вы найдете на дороге кирпич, то его подлинность не вызовет у вас никаких сомнений (как, впрочем, и интереса). А вот если — драгоценный камень, вы непременно усомнитесь...

Во всяком случае, история литературы убеждает нас в том, что редко какое великое произведение признавалось сразу и безоговорочно (вспомним хотя бы «Анну Каренину»). Споры о некоторых книгах продолжают десятилетиями, затягиваясь иногда и на столетия. И споры эти, конечно же, свидетельствуют не о спорности художественных достоинств этих произведений, но, напротив, — о бесспорной их жизненности.

Споры вокруг Шолохова не кончены — и едва ли в обозримом будущем кончены будут. Новому — будущему — времени предстоит читать его новыми глазами.

Что же касается бесспорного... Люди самых различных, противоположных даже эстетических и социально-политических убеждений сходились и сходятся в высокой оценке художественного мастерства Шолохова. Факт, — сказал бы Давыдов.

Максим Горький, читая «Тихий Дон», ликовав: «Шолохов, — судя по первому тому, — талантлив... Вот это — радость. Очень, анафемски, талантлива Русь».

Ромен Роллан, называя «Тихий Дон» в числе лучших произведений советских писателей,